

A movie poster for the film 'I Didn't Dream It'. The central figure is a woman with blonde, wavy hair, wearing a sparkling, low-cut dress and a large white fur stole. She is resting her chin on her hand, looking thoughtfully at the camera. The background is a composite of a Hollywood-style dressing room on the left, with a mirror, flowers, and makeup, and a night view of a city with a sign that reads 'МИР ГРЁЗ' (World of Dreams) on the right. A studio light and a 'DIRECTOR' chair are also visible. The title 'МНЕ и не снилось...' is written in a mix of bold serif and elegant script fonts. At the bottom, it says 'БЛЕСТЯЩАЯ ИСТОРИЯ ПОПАДАНКИ' (A Brilliant Story of a Spoiler) and includes a '18+' age rating.

ЭВА ГРИНЕРС

МНЕ
и не снилось...

БЛЕСТЯЩАЯ ИСТОРИЯ
ПОПАДАНКИ

18+

Эва Гринерс

Мне и не снилось...

<https://litres.ru/74696858>

SelfPub; 2026

Аннотация

Даша Дубкова и представить не могла, насколько круто однажды изменится её жизнь. Ещё вчера она была обычной женщиной с неудавшимся браком, скучной работой и кучей проблем, а сегодня оказалась в Голливуде 1929 года!

И не просто оказалась, а очнулась в теле знаменитой актрисы Вивьен Грей - красавицы, которой завидуют женщины и поклоняются мужчины.

Казалось бы, живи и радуйся! Роскошные наряды, бриллианты, светские приёмы и мир большого кино. Только вот Даша понятия не имеет, как быть голливудской звездой, а за ослепительным блеском славы скрывается совсем не та жизнь, о которой она мечтала.

И самое главное - почему настоящая Вивьен Грей бесследно исчезла? И не ждёт ли Дашу та же участь

(Хэппи энд!)

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	63
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Эва Гринерс

Мне и не снилось...

Глава 1

Если бы меня спросили, что я считаю одной из главных ценностей к своим тридцати пяти годам, я бы, наверное, назвала нашу с девочками дружбу...

С карьерой у меня не сложилось, семейная жизнь давно превратилась в рутину, а вот подруги были настоящие, проверенные временем, совместными отпусками, неприятностями, болезнями, свадьбами, разводами. И даже одним пожаром на даче, когда мы втроём пытались приготовить шашлык и едва не спалили Маринкину машину.

Мы дружили пятнадцать лет, и за это время успели настолько привыкнуть друг к другу, что иногда понимали настроение подруги по одному взгляду, а о некоторых событиях из нашей общей жизни вспоминали чаще, чем о собственных заботах.

Сначала мы просто работали в одном кабинете, потом начали вместе обедать, а ещё через полгода уже знали друг о друге столько, сколько приличные женщины обычно не рассказывают даже собственным мужьям.

С Ириной мы были ровесницами. Она вышла замуж рань-

ше меня, родила сына и теперь с удовольствием рассказывала, как её оболтус превращает их жизнь в ежедневное испытание на прочность, вступив в пубертат.

Марина, младшая из нас, тоже успела побывать замужем, развестись и приобрести стойкое убеждение, что семейная жизнь - отстой. И что лучше всего супружеский долг исполняет чужой муж.

Разумеется, я всегда считала это шуткой.

Маринка вообще любила изображать прожжённую циничную особу, красила губы в ярко-красный цвет, носила мини и высокие каблуки даже в гололёд и заявляла, что мужчин у женщины должно быть четверо - для души, для денег, для дела и ещё на всякий случай. При этом она была по-настоящему доброй, замечательной и душевной девчонкой.

Работали мы в большой компании, занимавшейся поставками оборудования, где я числилась специалистом по сопровождению договоров, что звучало куда солиднее, чем выглядело на практике. Большую часть рабочего дня я проверяла накладные, сводила таблицы и вела бесконечную переписку с людьми, которые упорно не желали читать предыдущие письма.

Платили умеренно: не то чтобы совсем копейки, но к концу месяца деньги имели неприятное свойство заканчиваться раньше, чем продукты в холодильнике.

Вася, мой муж, работал мастером на небольшом производстве и получал побольше меня, но не всегда стабильно.

Мы платили ипотеку, иногда выбирались в кино, летом ездили на дачу, доставшуюся Васе от отца, и уже третий год собирались поменять холодильник.

Впрочем, жили мы не хуже многих, и мне казалось, что всё у нас в порядке, поскольку ссорились мы редко. Серьёзных поводов для недовольства друг другом не находили, а отсутствие прежней романтики я считала естественным следствием долгой совместной жизни.

По пятницам мы с подругами иногда собирались в кафе, а если с деньгами было не очень - шли к кому-нибудь домой, покупали бутылку вина, сыр, фрукты и устраивали себе вечер откровений. Ира рассказывала о сыне, Маринка - о своих поклонниках, а я преимущественно слушала, потому что о Васе особенно рассказывать было нечего.

Он любил футбол, рыбалку и хорошо прожаренное мясо, я - книги, старые фильмы и возможность хотя бы иногда побыть в тишине. Что тут рассказывать?

По выходным мы нередко выбирались на дачу, где Вася возился с мангалом, Ирин муж помогал ему чинить то забор, то крыльцо, а мы с девчонками сидели под яблоней, обсуждали жизнь и обещали себе когда-нибудь обязательно съездить всей компанией к морю.

Казалось, что так и пройдёт наша жизнь - вместе, в мечтах, планах, хлопотах и радости. Главное, что мы были друг у друга.

Потом Марина начала исчезать из нашей жизни, причём

происходило это постепенно - поначалу я даже не придавала её поведению особенного значения.

Сначала она взяла неделю отпуска, объяснив, что плохо себя чувствует, потом ещё несколько дней отсутствовала, а когда наконец вернулась, неожиданно сообщила, что переводится в другой отдел.

- Какой ещё другой отдел? - удивилась я, отрываясь от накладных и поворачиваясь к Марине, которая уже начала складывать свои вещи в картонную коробку.

- В отдел закупок, они теперь в соседнем корпусе сидят, - неохотно ответила она.

- А с чего вдруг? - поинтересовалась я, наблюдая за тем, как она избегает встречаться со мной взглядом.

Марина пожала плечами и, убрав документы со стола в папку, объяснила, что ей предложили немного более высокую зарплату и она решила попробовать себя на новом месте.

- Намного больше? - тут же вмешалась Ира, отодвигая клавиатуру и поворачивая кресло к подруге.

- Да не особенно, но всё равно приятно, - ответила Марина, торопливо закрывая коробку, словно боялась, что мы начнём её отговаривать.

- Ну, тогда поздравляем с повышением, предательница, - пошутила я, поднимаясь, чтобы обнять её на прощание. - Только смотри, не забывай нас совсем там в своём новом корпусе.

Раньше Маринка непременно ответила бы какой-нибудь забористой шуткой, но на этот раз лишь слабо улыбнулась и позволила себя обнять, после чего поспешно подхватила коробку и направилась к двери.

С тех пор мы перестали видеться.

Поначалу Марина ещё отвечала на сообщения, хотя и с заметными задержками, отказывалась от наших посиделок, ссылаясь на занятость или плохое самочувствие.

А когда я отмечала день рождения, прислала цветы с курьером, сама же не появилась, объяснив, что у неё срочная работа.

- Да что с ней происходит? - спросила я однажды, когда мы с Ириной обедали в столовой и я в очередной раз получила от Маринки отказ на предложение встретиться в выходные. - Я уже третью неделю пытаюсь её куда-нибудь вытащить, а она всё отговаривается. Такое впечатление, будто она от нас прячется.

Ира, до этого сосредоточенно ковырявшая вилкой гречку, на мгновение замерла, а потом предположила, что Марина, возможно, завела мужчину и теперь всё свободное время проводит с ним.

- Так раньше это ей не мешало с нами встречаться, - возразила я, отодвигая тарелку с недоеденным обедом. - Наоборот, мы первыми узнавали обо всех её романах, а теперь даже не знаем, с кем она встречается.

- Может, на этот раз всё серьёзно, - пробормотала Ира, не

поднимая головы, и принялась собирать со стола использованные салфетки.

- Тем более странно, - заметила я, присматриваясь к подруге. - Она бы уже сто раз похвасталась. Ир, а ты случайно ничего не знаешь?

- Да откуда мне знать? - слишком поспешно ответила она, поднимаясь из-за стола, хотя в тарелке оставалась почти половина обеда. - Пойдём лучше, а то у меня отчёт не закончен.

Я пошла за ней, решив, что у Ирины просто плохое настроение, и уже через несколько минут совершенно забыла об этом разговоре, потому что на работе меня ждал очередной перепутанный счёт, а начальник требовал разобраться с ним до конца дня.

Сейчас, вспоминая тот обед, я удивлялась собственной слепоте. Но человеку вообще свойственно не замечать очевидного, если это очевидное способно разрушить привычный мир.

Ещё через месяц или два мне понадобилось зайти в отдел кадров, поскольку наш начальник придумал новую систему учёта рабочего времени и выяснилось, что у меня почему-то числится три дня отгулов, которые я якобы использовала в феврале. В феврале я никуда не ездила, не болела и вообще, насколько помнила, провела весь месяц на работе, поэтому отправилась выяснять, куда исчезли мои законные "трудо выебудни" - как выражалась Маринка.

В комнате отдела кадров стоял лёгкий гул. Принтер на от-

дельном столике выплёвывал тёплые листы, распространяя удушливый запах печатного порошка. За стойкой разговаривали две женщины, а у окна стояла Марина, которую я узнала не сразу.

Она была в свободном бежевом платье, поверх которого накинула длинный кардиган, волосы, прежде всегда аккуратно уложенные, были кое-как собраны на затылке, лицо осунулось, под глазами залегли тени, но не это заставило меня остановиться посреди кабинета.

Под платьем совершенно отчётливо округлялся живот.

- Маринка?! - воскликнула я, не веря собственным глазам, а потом даже рассмеялась от неожиданности. - Господи, да ты беременная!

Марина резко обернулась, и её лицо в одно мгновение стало таким белым, что я невольно перестала улыбаться.

- Даша... - выдохнула она, машинально прикрывая живот ладонью.

- Вот это новости! - Я поспешила к ней, намереваясь обнять, и только в последний момент заметила, как она пятится к подоконнику. - А мы-то думаем, куда ты пропала! Ну ты даёшь, столько времени молчала! Ты что, замуж собралась? Кто счастливый отец?

Марина отступила ещё на шаг и ударилась бедром о подоконник, так что я машинально схватила её за локоть, опасаясь, как бы она не упала.

- Осторожнее, ты чего? - встревожилась я, заглядывая ей

в лицо. - Марин, тебе плохо?

- Нет, всё нормально, - пробормотала она, высвобождая руку и оглядываясь на дверь. - Мне надо идти, Даш, извини.

- Да подожди ты, куда торопишься? - попыталась остановить её я, окончательно перестав понимать происходящее. - Мы же сто лет не виделись, а ты даже поговорить не хочешь!

- Пожалуйста, не сейчас, - почти прошептала Марина, и в её голосе прозвучало такое отчаяние, что я растерянno отступила.

Она воспользовалась этим и поспешно вышла, почти убежала из кабинета, оставив меня стоять у окна с совершенно нелепым чувством непонимания и хаоса в душе и в голове.

- Ну и что это было? - пробормотала я, поворачиваясь к перегородке, из-за которой как раз выглянула кадровичка, Галина Петровна, женщина предпенсионного возраста, знавшая о сотрудниках компании гораздо больше, чем содержалось в их личных делах.

- Дашенька, вы ко мне? - поинтересовалась она, поправляя очки и возвращаясь к своему столу.

- Да, у меня там с отгулами какая-то путаница, но я сейчас вообще не об этом, - ответила я, устраиваясь напротив неё. - Вы Марину видели? Она же беременна! А я даже не знала!

- Видела, не слепая, - сухо вато отозвалась Галина Петровна, открывая на компьютере нужную программу.

- А почему она такая перепуганная? - не понималась я, всё

ещё находясь под впечатлением от неожиданной встречи. - Я даже обнять её не успела, она от меня шарахнулась, будто я собиралась её покусать. Она к вам зачем приходила?

Кадровичка посмотрела на меня поверх очков и сообщила, что Марина обращалась по личному вопросу, обсуждать который с посторонними она не имеет права.

- Да я же не выпытываю ничего секретного, - возразила я, смутившись от её тона. - Просто мы пятнадцать лет дружим, а она ведёт себя так, словно мы едва знакомы.

Галина Петровна немного помолчала, потом вздохнула и всё-таки объяснила, что Марина просила перевести её в филиал на другом конце города, хотя сама кадровичка совершенно не представляла, зачем затевать подобное перемещение перед самым декретным отпуском.

- Вот и возмущаюсь, куда её сейчас переводить, мне только работы с этими переводами, - проворчала она, перелистывая какие-то бумаги. - А ей в декрет уходить вот-вот, пусть уже спокойно дорабатывает, а там видно будет.

- Надо же, - пробормотала я, покачав головой. - Мы столько лет дружим, а я даже не знала, что она ребёнка ждёт.

Галина Петровна снова взглянула на меня поверх очков: - Значит, не так уж дружите, Дарья. Давай что там у тебя. Мне стало обидно, хотя, конечно, кадровичка не могла знать, сколько всего нас связывало с Мариной и как много мы пережили вместе.

Я разобралась со своим вопросом, вернулась на рабочее

место и первым делом написала подруге поздравление, добавив, что надеюсь хотя бы узнать о рождении ребёнка, если уж все остальные новости она предпочитает держать в секрете.

Сообщение осталось неотвеченным.

Вечером я позвонила Ирине, которая была на больничном со своим артрозом, и предложила на следующий день навестить её, поскольку мне уже совершенно необходимо было с кем-нибудь обсудить странное поведение Маринки.

- А что случилось? - спросила Ира, и я услышала, как она прикрывает дверь, видимо, уходя в другую комнату.

- Представляешь, я её сегодня встретила, беременную! - выпалила я, устраиваясь поудобнее на диване. - Живот уже приличный, а мы ничего не знаем! Я спрашиваю, кто отец, а она чуть в обморок не падает.

На другом конце линии наступила такая тишина, что я даже отняла телефон от уха, проверяя, не прервалась ли связь.

- Ир, ты меня слышишь? - переспросила я, нахмурившись.

- Да, слышу, - ответила она после заметной паузы, и голос у неё был какой-то неестественно ровный.

- Ну вот и расскажешь завтра, что ты обо всём этом думаешь, - продолжила я, стараясь не обращать внимания на её странную реакцию. - Я тортик куплю, посидим, поболтаем.

Ирина согласилась, хотя и без особенного энтузиазма, а я, положив телефон, ещё некоторое время сидела на диване, пытаюсь понять, почему обе мои подруги вдруг стали вести себя так, будто я настойчиво лезу не в своё дело.

Ирина жила в двух остановках от нашей работы, в обычной девятиэтажке, где мы за пятнадцать лет побывали столько раз, что я даже с закрытыми глазами могла здесь ориентироваться.

Её муж с сыном уехали к свекрови, поэтому квартира была в полном нашем распоряжении, и я захватила шампанское к торту, а Ира приготовила бутерброды с красной рыбкой.

- Нет, ты мне объясни, что с ней происходит? - спросила я, с аппетитом жуя бутерброд - после работы была голодная.
- Ладно, мужика завела, ладно, беременна, но зачем от нас скрываться? Мы же не чужие люди!

Ирина медленно поставила бокал на стол, аккуратно вытерла пальцы салфеткой и только после этого ответила, что у каждого человека бывают обстоятельства, о которых ему не хочется рассказывать даже самым близким.

- Ир, ты сама-то в это веришь? - Я посмотрела на неё удивлённо, потому что подобные рассуждения совершенно не вязались с нашей многолетней дружбой. - У нас тоже бывали сложные времена, но мы ведь друг от друга не прятались.

Она отвернулась к окну, за которым уже сгустились сумерки, и некоторое время молча рассматривала двор, словно там происходило нечто чрезвычайно интересное.

Я заметила, что Ирина почти не пьёт шампанское, только пригубила несколько раз, а теперь сидит, сжав пальцами ножку бокала так крепко, что побелели костяшки.

- Ир, - произнесла я медленно, чувствуя, как во мне про-

сыпается неприятное чувство. - Ты знаешь, кто отец ребёнка?

Она не ответила, но по тому, как напряглись её плечи, я сразу поняла, что попала в точку.

- Значит, знаешь, - заключила я, откидываясь на спинку дивана. - И почему же молчишь?

- Даш, давай не будем об этом, - попросила она, наконец повернувшись ко мне, и я с удивлением увидела, что глаза у неё подозрительно блестят.

- Что значит не будем? - возмутилась я, уже совершенно перестав понимать происходящее. - Ты знаешь, от кого беременна наша лучшая подруга, а мне сказать нельзя?

Ирина опустила голову и объяснила, что дала Марине слово молчать, и нарушать обещание не собирается, какие бы вопросы я ей ни задавала.

- Господи, да что там такого страшного? - Я даже взмахнула руками от возмущения. - Мужчина женат? Начальник? Кто-нибудь из наших?

Она молчала, и это молчание постепенно начинало пугать меня.

- Ир, давай без дураков - что происходит?

- Даша, пожалуйста, поговори с ней, а не со мной, - попросила подруга, протягивая ко мне руку через стол. - Она сама должна тебе всё рассказать.

- О чём? - спросила я, чувствуя, как внутри неприятно сжимается что-то в тугой узел. - Что именно она должна мне

рассказать?

Ирина покачала головой и, с трудом подбирая слова, повторила, что не может ничего объяснить, потому что обещала молчать и даже поклялась, что я ничего не узнаю от неё.

- А почему вообще такие обещания? - Я отодвинулась от стола, пытаясь справиться с подступающим раздражением. - Это её ребёнок, её жизнь, и если она решила прекратить со мной дружить, ну и бог с ней! Обидно, конечно, но переживу.

- Нет, Даша, - тихо возразила Ирина, подняв на меня измученный взгляд. - Ты всё-таки поговори с ней.

Она сжала губы и покачала головой, а я вдруг разозлилась настолько, что даже поднялась из-за стола.

- Знаешь что, хватит этих загадок! - заявила я, подхватывая сумку. - Вы обе ведёте себя как последние дуры: одна убегает от меня по коридорам, другая сидит надутая как мышь на крупу! Если у вас какие-то секреты, прекрасно! Я от этого не рассыплюсь и не расплачусь, - а у самой аж в глазах защипало.

Ирина тоже поднялась, поспешно обошла стол и взяла меня за руку, попросив не уходить в таком состоянии и не делать ничего сгоряча.

- А что я, по-твоему, собираюсь делать? - спросила я, глядя на неё с растущим недоумением. - Ир, ты меня сейчас окончательно с ума сведёшь!

Она опустила голову и едва слышно попросила прощения,

но за что именно извиняется, так и не объяснила.

И вот тогда мне стало по-настоящему страшно.

- Я поеду к Марине, - объявила я, решительно направляясь в прихожую. - Раз уж ты ничего не можешь сказать, пусть она сама объяснит, что происходит.

- Сейчас? - испуганно переспросила Ирина, следуя за мной и наблюдая, как я надеваю туфли.

- Да, прямо сейчас, - ответила я, даже не оборачиваясь, потому что больше не могла выносить её растерянного лица. Мне казалось, что я сейчас просто взорвусь и лопну.

Ирина ещё некоторое время пыталась убедить меня отложить разговор до завтра, но потом вдруг замолчала и, прислонившись плечом к дверному косяку, тихо произнесла, что, наверное, так даже будет лучше, поскольку я всё равно должна узнать правду.

- Узнать что?! - почти закричала я, резко обернувшись к ней.

Она ничего не ответила, только закрыла лицо ладонями, и я вышла, даже не попрощавшись.

На улице было прохладно, после душной кухни свежий воздух должен был принести облегчение, но почему-то стало только хуже. Я дошла до остановки, села в автобус, потом пересела на метро, совершенно не замечая происходящего вокруг.

Дорогу до Маринкиного дома я знала наизусть, ведь сколько раз мы ездили друг к другу после работы, оставались

ночевать, болтали до утра, она всегда оставляла мне ключи от своей квартиры, когда уезжала в отпуск.

Теперь я ехала к ней как к совершенно чужому человеку.

В вагоне было жарко, кто-то рядом громко разговаривал по телефону, напротив сидел мальчишка с огромными наушниками, а я смотрела в тёмное стекло, где отражалось моё лицо, и пыталась понять хоть что-нибудь.

Мы выпили всего по бокалу шампанского, но голова гудела, будто я одна прикончила всю бутылку, а мысли путались и никак не желали складываться в сколько-нибудь разумную картину.

Может быть, Марина связалась с каким-нибудь опасным человеком, может, у неё проблемы с деньгами или ребёнок от мужчины, которого я знаю, но почему тогда Ирина так настойчиво требует, чтобы я непременно поговорила с ней?

Я перебирала знакомых, общих коллег, друзей, пока в голову не пришла совершенно нелепая мысль, от которой я даже невольно усмехнулась.

А что такого я могу узнать, чтобы Ирина боялась мне об этом рассказать? Разве что Маринка спит с моим мужем.

С Васей?

Марина любила эффектных мужчин, высоких, хорошо одетых, уверенных в себе, а Вася был самым обыкновенным, немного полноватым, с намечающейся лысиной. Он вряд ли мог заинтересовать женщину, которая однажды отказалась от свидания только потому, что мужчина приехал на встречу

на велосипеде.

Я попыталась выбросить эту мысль из головы, но вместо этого вдруг вспомнила один вечер, случившийся в прошлом году, когда я после работы поехала к стоматологу и вернулась домой около девяти.

Открыв дверь, я услышала голоса с кухни, а когда вошла, обнаружила Васю и Марину за столом, на котором стояли бутылка коньяка, тарелка с нарезанным лимоном и две рюмки.

- О, Дашка пришла! - обрадовался тогда Вася, поднимаясь мне навстречу. - А мы тут гостя принимаем!

Маринка тоже вскочила и, поправляя волосы, объяснила, что заскочила ко мне забыв, что я у врача, но поскольку меня не оказалось дома, Вася предложил подождать.

- Так чего не позвонила? - удивилась я, снимая куртку и проходя к раковине вымыть руки.

- Да телефон разрядился, - ответила она, почему-то сразу начав собираться, хотя я предложила ей остаться поужинать.

Тогда я даже поддела Васю, спросив, не замучил ли он мою подругу разговорами, и он рассмеялся:

- Разговорами не замучил.

А Марина, торопливо застегнув сапоги, сослалась на ранний подъём и ушла.

Теперь я вдруг вспомнила, как она старательно избегала смотреть на меня, пока одевалась.

А ещё был случай возле нашего дома, когда я собиралась в выходной по магазинам на целый день и уже вышла из подъ-

езда, а к тротуару как раз подъехала Васина машина, на пассажирском сиденье которой сидела Марина.

- Даш, смотри, кого я тебе привёз! - весело объявил муж, выходя из машины и кивая на мою подругу.

- Маринка, ты какими судьбами? - обрадовалась я, подходя к машине и наклоняясь к открытому окну.

- Да вот, встретились случайно, - объяснил Вася, пока Марина долго возилась с ремнём безопасности. - Подвёз её по дороге.

- Тогда я никуда не иду, пойдёмте чай пить! - предложила я, радуясь неожиданной встрече, но Марина почему-то замялась, пробормотала, что торопится, и почти сразу ушла.

Я тогда ещё немного обиделась, решив, что подруга совсем стала нелюдимой, а теперь, вспоминая её растерянное лицо, почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

В памяти всплыл и другой эпизод, когда летом Марина приехала к нам на дачу вместе с Ириной, мы готовили ужин а я рассказывала, что Вася в кои-то веки подарил мне цветы без повода. Мужчины занимались мангалом, Маринка пошла относить им кастрюлю, а я вышла вслед за ней, потому что она забыла крышку.

- Ну ты чего надулась? - Вася тогда наклонился к Маринке, а она ответила что-то неразборчивое, но я даже не прислушалась, отдала крышку и побежала к Ирине.

Я вышла из метро и оказалась на улице, где моросил мелкий дождь, люди спешили по своим делам, обходили лужи,

прятались под зонтами, а я шла, чувствуя, как меня тошнит ещё сильнее. Проклятое шампанское, чертов торт.

Нет, это был бред, полный бред, потому что подобное просто не могло происходить в моей жизни, с моим мужем и моей лучшей подругой, но мысли уже не слушались, подсовывая мне всё новые воспоминания, прежде совершенно безобидные.

У подъезда Маринкиного дома я остановилась, пытаюсь отдышаться, нажала кнопку домофона и, не дождавшись ответа, нажала ещё раз.

- Кто? - наконец раздался знакомый голос, и я услышала в нём плохо скрытую тревогу.

- Это я, открывай, - потребовала я, изо всех сил стараясь говорить спокойно.

Молчание длилось несколько секунд, потом замок щёлкнул, и я быстро поднялась на пятый этаж пешком, потому что лифт застрял где-то наверху, а я не могла ждать, пока он спустится.

Марина распахнула дверь и, увидев меня, машинально прикрыв живот обеими руками.

Я шагнула в прихожую, молча глядя ей в лицо. На вопросы сил не осталось.

- Даша... - прошептала Марина, прижимаясь спиной к стене, и по её лицу я уже поняла, что все мои самые страшные догадки сейчас подтвердятся.

- Это Васин ребёнок? - спросила я, сглатывая колющий

ком в горле.

Марина закрыла глаза, а потом едва заметно кивнула.

Я вдруг почувствовала, что ноги перестали держать, при-слонилась плечом к стене и медленно сползла вниз, оказавшись прямо на полу в чужой прихожей.

Марина опустилась передо мной на колени и, захлёбываясь слезами, принялась просить прощения, уверяя, что сама не знает, как всё получилось, что они ничего подобного не планировали и что сначала всё было совсем не так.

Я смотрела на неё и ничего не понимала, потому что её слова звучали как бессмысленный набор оправданий, совершенно не способных объяснить, каким образом два самых близких мне человека могли предать меня.

- Сколько? - спросила я, когда Марина наконец замолчала, пытаюсь справиться с рыданиями.

Она не сразу поняла вопрос, поэтому мне пришлось повторить, медленно и отчётливо, сколько времени они с Васей вместе.

- Почти два года, - прошептала она, закрывая лицо ладонями.

Почти два года, Господи боже мой...

Значит, всё это время мы встречались, разговаривали, ездили на дачу, я рассказывала ей о своих делах, о Васе, о том, как мы собираемся делать ремонт, а она слушала, сочувствовала, давала советы и спала с моим мужем.

- Он знает про ребёнка? - спросила я, с трудом узнавая

собственный голос.

Марина кивнула и, вытирая слёзы тыльной стороной ладони, призналась, что Вася знает с самого начала, но сказал, что не знает, как тебе сказать и вообще потомства не планировал.

Я вдруг засмеялась, хотя ничего смешного в происходящем не было. Мне такое даже в кошмарах не снилось...

- Я пойду, - пробормотала я, с трудом поднимаясь с пола.

Марина попыталась помочь мне встать, но я отстранилась, попросив больше никогда ко мне не прикасаться.

Она осталась стоять посреди прихожей, продолжая плакать, а я вышла, не оглянувшись, и уже на площадке почувствовала, как меня выворачивает наизнанку. Прямо возле Маринкиной двери.

Домой я не пошла.

Глава 2

Я даже не представляла, как войду в квартиру, где меня будет ждать Вася, как увижу его тапочки в прихожей, кружку на столе, куртку на вешалке и как он, словно ничего не произошло, спросит, где я была и что на ужин.

Я бесцельно бродила по улицам, пока не обнаружила, что стою возле собственного подъезда, и, подняв голову, долго смотрела на светящиеся окна нашей квартиры.

Телефон завибрировал в сумке, и я достала его, обнаружив три пропущенных звонка от Васи и сообщение с совершенно обыденным вопросом, будем ли мы сегодня ужинать и соизволю ли я вообще вернуться домой.

Меня снова замутило, и я, убрав телефон, вошла в подъезд, но вместо того, чтобы подниматься к себе, остановилась на третьем этаже перед дверью соседки.

Светлана Павловна, которую все называли просто Светкой, была женщиной сорока с небольшим лет, работала горничной в дорогом отеле и обладала удивительной способностью устраивать собственную жизнь так ловко, словно никаких особенных трудностей в мире не существовало.

С мужем она развелась давно, детей не имела, жила одна и, насколько я могла судить, совершенно этим не тяготилась.

Мы иногда пили вместе кофе, обменивались домашней выпечкой и присматривали за цветами друг друга во вре-

меня отпусков. Светка, будучи женщиной прямой, шумной, но доброй, могла обругать меня за неудачную причёску и через пять минут принести пакет продуктов, если знала, что мы перед зарплатой сидим без денег.

Я позвонила, и дверь открылась почти сразу.

- Дашка, ты чего такая? - встревожилась Светка, окинув меня быстрым взглядом и тут же отступив в сторону, пропуская в квартиру.

Я попыталась что-то сказать, но вместо слов из горла вырвался какой-то жалкий всхлип, и я расплакалась, совершенно не заботясь о том, как это выглядит.

Светка молча втянула меня в квартиру, закрыла дверь и повела на кухню, где усадила за стол, налила воды, накапала туда чего-то из маленького пузырька и поставила передо мной.

- Пей, потом расскажешь, что случилось, - распорядилась она, придвигая ко мне стакан и устраиваясь напротив.

Я выпила, даже не спросив, что это, а потом рассказала всё, сначала сбивчиво, путаясь в словах, потом всё быстрее, словно боялась, что если остановлюсь, то больше не смогу заставить себя произнести ни единого слова.

Светка слушала молча, только лицо у неё становилось всё мрачнее, а когда я закончила, она выругалась так жестко, что я невольно зажмурилась.

- Вот же кобель, - процедила она, сердито отодвигая чашку. - И ведь надо было с твоей подругой связаться, будто дру-

гих баб на свете нет!

Я снова заплакала, признаваясь, что ничего не замечала, хотя они снюхались прямо перед моим носом, а я продолжала считать обоих самыми близкими людьми.

- Просто ты нормальный человек, который привык доверять близким, - возразила Светка, придвигая ко мне коробку с бумажными салфетками. - Это они сволочи, а не ты дура, как тебе сейчас кажется.

Я вытерла лицо и призналась, что совершенно не представляю, как теперь возвращаться домой и на работу, где Ирина всё знала и молчала, а возможно, и остальные сотрудники давно обсуждают мою семейную жизнь за спиной.

- Да наплюй ты на них, Дашка, - посоветовала Светка, наливая мне ещё воды. - Ты молодая баба, тридцать пять лет, вся жизнь впереди, неужели из-за этого козла собралась себя оплакивать?

Я покачала головой и неожиданно для самой себя объявила, что уволюсь, потому что не хочу находиться среди людей, которые, возможно, знают о моём унижении гораздо больше, чем я сама.

Светка сначала возмутилась, напомнив, что у меня приличная работа рядом с домом, стаж, нормальный отпуск и ипотека, но потом, немного подумав, сказала:

- А и правда уходи из этого змеиного клубка. Будут за спиной шипеть. Иди к нам в отель.

- Кем? - растерянно переспросила я, глядя на неё поверх

стакана.

- Горничной, как я, - спокойно ответила Светка.

Я призналась, что за пятнадцать лет офисной работы совершенно не представляю себя в подобной должности, но Светка только фыркнула и поинтересовалась, не выросла ли у меня за это время корона.

- Ты посмотри, как вы с Васькой живёте, - продолжила она, немного смягчившись. - Прости, что говорю, я тебя не попрекаю, но ты же сама у меня то пятёрку, то десятку до зарплаты перехватываешь.

Я невольно оглядела её уютную кухню, добротную мебель, хорошую кофемашину и большой дорогой холодильник, который, в отличие от нашего, работал совершенно бесшумно.

Светка дважды в год ездила отдыхать, прилично одевалась и никогда не жаловалась на отсутствие денег, хотя мне всегда казалось, что работа горничной оплачивается весьма скромно.

- У нас отель крутой, пятизвёздочный, - объяснила она, заметив мой взгляд. - Публика соответствующая, номера хорошие, всё оборудование современное, и не думай, что там каждый день какие-нибудь ужасы разгребать приходится. Конечно, работать надо, но ты же не белоручка.

Когда я осторожно спросила о зарплате, Светка назвала сумму, которая оказалась лишь немного выше моей нынешней, но тут же пояснила, что основной доход складывается из чаевых, причём иногда за один день гости оставляют столь-

ко, сколько я зарабатываю за неделю.

- Не каждый день, конечно, но в среднем выходит очень даже неплохо, - завершила она, довольно улыбаясь. - У нас тепло, светло и мухи не кусают, как в «Незнайке», правда, ноги к вечеру гудят, зато голову всякими отчётами не забиваешь.

Я невольно улыбнулась, впервые за весь вечер почувствовав, что могу думать о чём-то, кроме предательства Васи и Маринки.

Мы ещё долго сидели на кухне, и Светка рассказывала о работе, о постояльцах, травила всякие байки, чтобы меня развеселить.

Телефон снова завибрировал, на экране высветилось имя мужа, и я, не желая даже смотреть на него, перевернула аппарат экраном вниз.

- Свет, можно я у тебя сегодня переночую? - спросила я, немного помедлив, потому что возвращаться домой было выше моих сил.

Она посмотрела на меня так, словно я попросила разрешения подышать, и тут же поднялась, чтобы достать из шкафа постельное бельё.

- Конечно, вон диван свободный, сейчас постелю, чистую футболку дам, - распорядилась Светка, направляясь в комнату. - Хочешь, завтра с утра со мной поедешь, поговорим с начальницей?

Я немного подумала и решила, что сначала поеду на работу и уволюсь, а потом уже отправлюсь в отель, поскольку

мне хотелось как можно быстрее покончить хотя бы с одной частью прежней жизни.

Светка одобрительно кивнула и принялась устраивать мне место на диване, а я впервые за весь этот страшный вечер почувствовала что-то похожее на облегчение.

До счастья было далеко, но хотя бы появилась мысль, что завтра я могу проснуться и сделать что-то сама, не ждать, пока Вася объяснится, не выяснять, кто и сколько времени мне врал, не выпрашивать у подруг правду, а просто взять и изменить собственную жизнь.

Наутро я написала Васе короткое сообщение о том, что всё знаю, домой пока не вернусь и разговаривать с ним не собираюсь, после чего отключила звук телефона и отправилась на работу.

В офис приехала к девяти, зашла к начальнику и положила на стол заявление, заранее приготовившись к неприятному разговору.

- Дарья, вы серьёзно? - удивился он, отрываясь от монитора и недоверчиво рассматривая лист бумаги. - Что случилось?

Я объяснила, что увольняюсь по личным обстоятельствам, и попросила по возможности оформить всё без обязательной отработки.

Начальник попытался уговорить меня остаться - ему совершенно не хотелось заниматься поиском нового работника и передачей дел, а я, устав его слушать взяла да и выложила

всю правду. По его лицу я не поняла - в курсе ситуации он или нет, но после этого он подписал моё заявление без звука. И я ушла, не заходя в свой бывший кабинет.

Ирина догнала меня у проходной, когда я как раз собиралась вызвать такси.

- Даша, ты что, увольняешься? Может, не стоит так рубить с плеча... - сказала она, испуганно и виновато глядя мне в лицо.

Я коротко пожала плечами, не испытывая ни малейшего желания объясняться, но Ирина всё-таки спросила, была ли я вчера у Марины.

- А разве ты не в курсе? - процедила я, стараясь сдерживаться, - Вы с ней ещё не обсудили это?

- Прости меня, - прошептала она, опуская глаза и сжимая ремешок сумки.

- За что именно, Ир? - спросила я, глядя на женщину, которую пятнадцать лет считала одной из самых близких подруг. - За то, что знала, или за то, что молчала?

Ирина попыталась объяснить, что не представляла, как рассказать мне правду, что это был не её секрет, но я только покачала головой и попросила больше никогда не продолжать этот разговор.

И ушла, не оборачиваясь, потому что сейчас у меня просто не было сил разбираться ещё и с её чувством вины.

Отель, где работала Света, располагался в центре города, в красивом новом здании с высокими окнами, колоннами

и тяжёлыми стеклянными дверями, за которыми открывался просторный холл с мраморными полами, хрустальными люстрами и огромными цветочными композициями.

Внутри пахло дорогим парфюмом, свежими цветами и кофе, по блестящему полу бесшумно двигались чемоданы, возле стойки регистрации разговаривали на нескольких языках, а в глубине холла журчал небольшой фонтан.

Светка встретила меня у лифта и, оглядев с ног до головы, довольно улыбнулась.

- Ну что, свободная женщина? - поинтересовалась она, подхватывая меня под руку.

- Пока только безработная, - ответила я, пытаюсь справиться с волнением - всё-таки новая жизнь начиналась.

- Это мы сейчас исправим, - заверила Светка, уверенно направляясь к кабинету начальницы хозяйственной службы.

Елена Викторовна оказалась строгой женщиной с короткой стрижкой и внимательным взглядом, которая подробно расспросила меня о прежней работе, посмотрела документы и уточнила, готова ли я к физической нагрузке.

Она предупредила, что в отеле предъявляются высокие требования к чистоте и дисциплине, номера дорогие, гости бывают требовательные, но добросовестные сотрудники зарабатывают вполне прилично.

Я заверила её, что работать умею, быстро учусь и не боюсь физического труда, и через несколько дней, после оформления документов и необходимого инструктажа, я приступила

к работе.

Оставалась проблема жилья, поскольку возвращаться к Васе я не собиралась, жить у Светки постоянно было неудобно, а снимать отдельную квартиру означало отдавать значительную часть будущей зарплаты.

К счастью, выяснилось, что отель предоставлял сотрудникам из других городов комнаты в служебном жилом корпусе, где обычно селились по двое или трое, но Светка договори-лась, чтобы меня тоже временно разместили.

Комната оказалась небольшой, зато чистой и светлой, с двумя кроватями, шкафом, столом и собственным санузлом, а моей соседкой стала молоденькая девушка Оля, приехав-шая из области и работавшая в ресторане при отеле.

Оля часто возвращалась поздно и большую часть свобод-ного времени проводила у своего парня, поэтому иногда комната целиком доставалась мне, что я считала настоящим подарком судьбы.

За вещами домой я съездила в тот день, когда Вася был на работе, забрала одежду, документы, ноутбук и несколько любимых книг, а остальное решила пока оставить, поскольку совершенно не представляла, как сложится моя дальнейшая жизнь.

Вася продолжал звонить и писать, сначала оправдывался, потом просил поговорить, а затем сообщил, что всё произо-шедшее было ошибкой и он любит только меня.

Я прочитала сообщение несколько раз, особенно задер-

жавшись на слове «ошибка», потому что два года отношений с моей лучшей подругой и ребёнок, который скоро появится на свет, представлялись мне слишком продолжительным и обстоятельным мероприятием, чтобы считать его случайным недоразумением.

Отвечать я не стала.

Глава 3

К новой работе я привыкала тяжело, и первые дни к вечеру у меня болели ноги, спина и даже те мышцы, о существовании которых я прежде не подозревала.

Светка, наблюдая, как я осторожно опускаюсь на стул после смены, только посмеивалась и уверяла, что скоро организм привыкнет, зато спать я теперь буду как младенец.

И действительно, засыпала я почти мгновенно, едва успев добраться до подушки, а утром вставала с удивительным ощущением, что впереди меня ждёт не очередной бессмысленный день среди бумаг, а вполне понятная работа, результат которой можно увидеть собственными глазами.

Рабочий день начинался с распределения номеров, после чего нам выдавали тележки с чистым бельём, полотенцами, косметическими принадлежностями и всем необходимым для уборки.

Мы проверяли мини-бары, меняли постельное бельё, протирали поверхности, приводили в порядок ванные комнаты, и я довольно быстро поняла, что уборка дорогого номера отличается от домашней не столько количеством работы, сколько требованиями к деталям.

Полотенца должны лежать строго определённым образом, бокалы - сиять без единого развода, подушки - располагаться симметрично, и даже уголок туалетной бумаги следовало

складывать аккуратным треугольником.

Поначалу я тратила на каждую мелочь слишком много времени, но постепенно освоилась и даже начала получать удовольствие от того, как на моих глазах беспорядок превращается в безупречную чистоту.

А потом получила первые чаевые.

В номере, где останавливалась пожилая супружеская пара из Германии, на столике лежала купюра и записка с благодарностью, и я даже растерялась, не сразу сообразив, что деньги предназначены мне.

Светка, увидев моё лицо, рассмеялась и посоветовала привыкать, поскольку в этом отеле хорошую работу действительно умели ценить.

Через месяц я подсчитала доход и долго смотрела на получившуюся сумму, которая заметно превышала мою прежнюю зарплату, а ещё через месяц уже могла позволить себе не только оплачивать необходимые расходы, но и откладывать деньги.

Именно тогда у меня появилась мечта.

Однажды вечером, листая туристические буклеты, которые нам надлежало раскладывать в номерах, я наткнулась на рекламу кругосветного круиза, где на фотографиях красовались огромный белоснежный лайнер, бескрайний океан, пальмы, старинные европейские города и экзотические острова.

Несколько месяцев путешествия, за которые можно уви-

деть столько стран, сколько я прежде не надеялась посетить за всю жизнь, представлялись мне чем-то совершенно невероятным, хотя стоимость подобного удовольствия, конечно, впечатляла не меньше, чем фотографии.

Раньше я и думать в этом направлении не мечтала - такая роскошная жизнь мне и не снилась.

Но теперь я хотя бы могла представить, что когда-нибудь накоплю нужную сумму, поэтому открыла отдельный накопительный счёт и назвала его «Вокруг света».

Светка, узнав об этом, одобрительно похлопала меня по плечу и заявила, что именно так и надо жить, для себя, а Васька пусть со своими ошибками разбирается самостоятельно.

Впервые за много лет я принадлежала самой себе, и, пожалуй, именно поэтому мне начало казаться, что всё самое интересное ещё впереди.

Я только не представляла, насколько буквально сбудется это предположение.

В тот день мне достался люкс на верхнем этаже, который освободили утром, а к вечеру уже ожидали новых гостей, поэтому нужно было привести его в идеальное состояние.

Светка предупредила, что накануне там была вечеринка и работы будет побольше.

Я взяла тележку и поднялась наверх, мысленно прикидывая, сколько времени потребуется на уборку.

Люкс занимал почти половину этажа и состоял из про-

сторной гостиной с панорамными окнами, спальни, гардеробной, отдельной столовой и огромной ванной комнаты, отделанной светлым мрамором.

Я каждый раз невольно задерживалась у окон, потому что с такой высоты город выглядел совершенно другим, даже привычные улицы казались красивее, а бесконечные автомобильные пробки превращались в мерцающие ленты.

Впрочем, сегодня любоваться было некогда, поскольку гости действительно повеселились на славу, оставив на журнальном столике пустые бутылки из-под шампанского, заляпанные поверхности, на кресле - забытый мужской галстук, а на ковре - рассыпанное и растоптанное содержимое коробки с конфетами.

В спальне тоже царил беспорядок, который я предпочла не анализировать, и открыв окна, принялась за работу, методично собирая мусор, меняя бельё и возвращая вещам их привычный безупречный вид.

Часа через полтора гостиная уже приобрела вполне приличный вид, и я как раз протирала стеклянную столешницу, когда в дверях появилась Светка.

- Ну как тут дела? Помощь не нужна? - поинтересовалась она, оглядывая комнату и одобрительно кивая при виде уже наведённого порядка.

- Нет, Светик, я уже заканчиваю.

- Кстати, слышала новость? - спросила она, прислоняясь плечом к дверному косяку. - К нам звезда приезжает, насто-

ящая, правда я имя забыла, но она сейчас из каждого утюга! Елена Викторовна уже предупредила, что на следующей неделе весь этаж бронируют под знаменитость, её охрану, помощников и прочую свиту.

- Ну и пусть приезжает - радость великая, - пожала я плечами, переходя к кофейной зоне. - Мне-то что? Только работы, поди, прибавится.

- Ну интересно же - как эти звёзды в живую выглядят, будет о чём посплетничать, - хохотнула Светка.

Я рассмеялась и кивнула, после чего Светка отправилась по своим делам, оставив меня заканчивать уборку.

На низкой полке возле дивана обнаружилась стопка журналов, большинство из которых были свежими изданиями, посвящёнными моде, путешествиям и дорогим автомобилям, но один выделялся среди других потрепанным видом, он явно был очень старым, даже антикварным. Скорее всего, его забыли постояльцы и нужно было сдать его в отдел забытых вещей.

Я подняла его и невольно задержалась взглядом на обложке, рассматривая платиновую блондинку с тщательно уложенными волнами волос, выразительными глазами и чуть приоткрытыми губами, одетую в роскошное вечернее платье с открытыми плечами и глубоким декольте.

Под фотографией значилось: «VIVIEN GREY. HOLLYWOOD, 1929».

- Вивьен Грей, - прочитала я вслух, пытаюсь вспомнить,

слышала ли когда-нибудь это имя.

Полистав журнал, я поняла, что передо мной действительно антикварный журнал золотой эпохи Голливуда, с роскошными фотографиями, историями киностудий и рассказами об актрисах, которые когда-то сводили с ума миллионы зрителей.

Вивьен Грей занимала несколько разворотов, и на одной фотографии она стояла возле роскошного автомобиля, окружённая репортёрами, на другой сидела перед зеркалом в гримёрной, пока парикмахер укладывал её светлые волосы, а на третьей танцевала с каким-то красивым мужчиной в смокинге.

Моё внимание привлёк снимок Вивьен у зеркала, потому что у женщины было удивительное лицо, не просто красивое, а живое, с какой-то неуловимой насмешкой во взгляде, словно она прекрасно знала, какое впечатление производит, и слегка забавлялась этим.

В юности я любила представлять себя актрисой, хотя, конечно, никогда не собиралась всерьёз связывать жизнь с театром или кино, просто иногда, оставшись одна, вставала перед зеркалом и изображала то героиню исторического романа, то роковую красавицу, то несчастную женщину, которую покинул возлюбленный.

Однажды Вася застал меня за подобным занятием и потом долго смеялся и подкалывал меня, так что с тех пор я старалась не попадаться ему на глаза, когда меня охватывало

подобное настроение.

Теперь, рассматривая Вивьен Грей, я вдруг вспомнила эти детские забавы и, приподняв подбородок, попыталась повторить выражение её лица, но получилось настолько нелепо, что я сама рассмеялась.

На последней странице статьи обнаружилась фотография огромной голливудской виллы, возле которой стояла Вивьен в светлом брючном костюме.

Подпись сообщала, что снимок сделан незадолго до загадочного исчезновения актрисы.

Заинтересовавшись, я перелистнула несколько страниц назад и принялась внимательнее разбирать английский текст, который понимала не блестяще, но всё же достаточно хорошо, чтобы уловить общий смысл.

Оказалось, что Вивьен Грей была одной из самых многообещающих звёзд немого кино конца двадцатых годов, успела сняться в нескольких успешных картинах, пользовалась бешеной популярностью и заключила выгодный контракт с крупной киностудией на съёмки в звуковом кино, а потом внезапно исчезла, оставив после себя множество слухов и догадок.

Одни утверждали, что актриса сбежала с любовником в Европу, другие подозревали убийство, третьи уверяли, что она просто устала от славы и предпочла исчезнуть из поля зрения публики, но никаких достоверных сведений о её дальнейшей судьбе так и не сохранилось.

Я ещё раз посмотрела на фотографию, где Вивьен улыбалась прямо в объектив, и почему-то почувствовала лёгкое беспокойство, хотя не могла объяснить, чем именно меня встревожила эта история.

Закрыв журнал, я отнесла его к остальным забытым вещам, которые следовало передать администратору, и вернулась к работе, поскольку впереди оставалась ванная комната.

Здесь тоже пришлось потрудиться, потому что на мраморной столешнице сохранились следы косметики, возле раковины валялись использованные ватные диски, а огромное зеркало было основательно заляпано.

Я собрала мусор, заменила полотенца, вымыла сантехнику и принялась полировать зеркало, занимавшее почти всю стену над длинной столешницей с двумя раковинами.

Работала методично, двигаясь от одного края к другому, пока стекло не стало совершенно чистым, после чего отступила на шаг, оценивая результат.

Из зеркала на меня смотрела усталая женщина в форменном платье горничной, с убранными под косынку волосами и покрасневшими от работы руками, и я невольно вздохнула, вспомнив, как ещё недавно считала, что к тридцати пяти годам моя жизнь уже более или менее определилась.

Есть работа, муж, квартира, привычные заботы, можно строить планы на отпуск, покупать новую мебель, думать о том, как встретишь старость, а оказалось, что всё это может рассыпаться за один вечер, оставив тебя стоять перед чужим

зеркалом и размышлять о том, как накопить на путешествие, которое, возможно, никогда не состоится.

Впрочем, жалеть себя я не собиралась, поэтому выпрямилась, пригладила выбившуюся из-под косынки прядь и ободряюще улыбнулась собственному отражению.

- Ничего, Дашка, прорвёмся, - сообщила я себе, а потом, вспомнив роскошную Вивьен Грей с её жемчугом и уверенной улыбкой, вдруг приподняла подбородок и с придыханием произнесла: - Дорогие мои, вы совершенно не представляете, с кем имеете дело!

Получилось так убедительно и смешно, что я фыркнула, мысленно признав, что Голливуд действительно потерял в моём лице великую актрису, и наклонилась за салфеткой, упавшей на пол.

Когда я выпрямилась, в зеркале стояла другая женщина.

Светлые волосы, уложенные крупными волнами, тонкие изогнутые брови, алые губы - всё это было настолько знакомо, что я сразу узнала Вивьен Грей, фотографиями которой любовалась всего несколько минут назад.

Я замерла, не в силах отвести взгляд, а женщина в зеркале смотрела прямо на меня, словно тоже пыталась понять, каким образом мы оказались друг напротив друга.

Я моргнула, надеясь, что странное видение исчезнет, но отражение не изменилось, более того, Вивьен чуть склонила голову набок, хотя я сама стояла совершенно неподвижно.

Я попятилась, чувствуя, как по спине пробегает ледяной

холод, и попыталась ухватиться за край столешницы, но каблук рабочей туфли проехал по влажному мрамору, пальцы лишь беспомощно скользнули по гладкой поверхности, и мир резко накренился.

Перед глазами мелькнул белый потолок, ослепительно блеснуло зеркало, и последним, что я увидела, было лицо Вивьен Грей, которая почему-то больше не улыбалась.

Потом затылок ударился обо что-то твёрдое, и наступила темнота.

Сознание возвращалось медленно, сначала сквозь густую, вязкую темноту пробились женские голоса, взволнованные, говорившие слишком быстро, потом я почувствовала запах, совершенно не похожий на привычные гостиничные моющие средства, - густой, сладковатый аромат дорогих духов, смешанный с пудрой и чем-то цветочным.

Под щекой было мягко, настолько мягко, что я невольно пошевелилась, пытаюсь понять, где нахожусь, и обнаружила, что лежу не на холодном мраморном полу, а на широкой постели, застеленной удивительно гладким бельём. Это натуральный шелк?

Где-то рядом хлопнула дверь, слышались торопливые шаги, и незнакомая женщина радостно воскликнула, что я наконец прихожу в себя.

Я осторожно открыла глаза и увидела над собой высокий потолок с затейливой лепниной и огромной хрустальной люстрой, слева от которой виднелись тяжёлые бордовые пор-

тьеры, а справа стоял туалетный столик с большим зеркалом, окружённым круглыми лампами.

Попытавшись приподняться, я почувствовала тупую боль с левой стороны лица. Невольно поморщилась, после чего к постели немедленно подбежала полная женщина в тёмном платье с белым воротничком.

- Мисс Грей, пожалуйста, не двигайтесь! - взволнованно попросила она, протягивая ко мне руки, словно опасалась, что я сейчас упаду с кровати.

Я смотрела на неё, не понимая, откуда она взялась и почему обращается ко мне таким странным образом, но ещё больше меня удивило то обстоятельство, что женщина говорила по-английски, а я понимала её совершенно свободно, словно всю жизнь пользовалась этим языком.

- Где я? - спросила я, с удивлением обнаружив, что и сама отвечаю по-английски, причём без малейшего усилия.

Женщина побледнела и, оглянувшись на дверь, испуганно позвала кого-то из соседней комнаты, после чего снова вернулась ко мне и принялась уверять, что сейчас всё будет хорошо, нужно только лежать спокойно и ни о чём не беспокоиться.

Я медленно села, не обращая внимания на её причитания, и обнаружила, что на мне тонкая батистовая ночная рубашка кремового цвета.

Подняв руки, я уставилась на тонкие изящные пальцы с аккуратным маникюром, на нежную кожу, на узкие запястья,

совершенно не похожие на мои собственные, и почувствовала, как внутри поднимается паника.

Женщина продолжала что-то говорить, но я уже не слушала, поскольку заметила в другом конце комнаты туалетный столик и большое зеркало, к которому меня неудержимо потянуло.

Отбросив одеяло, я спустила ноги на пушистый ковёр и, пошатываясь, направилась туда, не обращая внимания на испуганные возгласы незнакомки.

Перед зеркалом стояло изящное кресло с обитым бархатом сиденьем, а сама столешница, выполненная из светлого полированного дерева, была заставлена предметами, которые я прежде видела разве что в старых фильмах.

Серебряная пудреница с тонкой гравировкой лежала на хрустальном подносыке с большой пушистой пуховкой, рядом красовалась резная шкатулка с золотистой крышкой, а несколько потрясающе красивых флакончиков духов из гранёного стекла переливались в мягком свете лампы, окружавших зеркало.

Один флакон напоминал маленькую прозрачную колонну с массивной пробкой, другой был украшен золотым орнаментом, а третий, изготовленный из розоватого стекла, имел форму распускающегося цветка, и всё это великолепие выглядело настолько изящным и дорогим, что я невольно задержала на нём взгляд.

Но потом всё-таки посмотрела в зеркало. И увидела её.

Ту самую женщину с журнальной фотографии, с роскошными светлыми волосами, тонким носом и чувственными губами и огромными выразительными глазами, в которых сейчас плескался страх.

Вивьен Грей.

Я медленно подняла руку, и женщина в зеркале повторила моё движение, коснулась левой щеки, на которой расплылся внушительный синяк - она сделала то же самое, провела пальцами по волосам - и отражение послушно последовало за мной.

За спиной кто-то испуганно охнул, но я даже не обернулась, потому что всё моё внимание было приковано к чужому лицу, которое теперь каким-то совершенно невозможным образом принадлежало мне.

Я стояла перед зеркалом, не в силах осмыслить происходящее, когда взгляд случайно скользнул чуть в сторону, к небольшому изящному настольному календарю, стоявшему между флакончиками духов и серебряной пудреницей.

Календарь был перекидным, на маленькой деревянной подставке с латунными кольцами, удерживавшими плотные кремовые карточки с крупными чёрными цифрами, выглядел старомодно, как и всё вокруг. Но не это привлекло моё внимание.

На верхней карточке значилось число, ниже был указан месяц, а под ним - год.

Я медленно опустилась в бархатное кресло, продолжая

смотреть то на цифры, то на на собственное отражение, и почувствовала, как остатки привычного мира окончательно рассыпаются у меня на глазах.

Потому что, если верить этому изящному настольному календарю, на дворе стоял тысяча девятьсот двадцать девятый год.

Глава 4

Первым делом я закрыла глаза.

Мне требовалось несколько секунд, чтобы разобраться, что именно со мной происходит, а смотреть на незнакомую комнату, полную чужих вещей, было совершенно невыносимо. Несколько секунд? Лет сто, пожалуй.

Я сидела перед большим зеркалом в кресле, обитом бордовым бархатом. Под ногами лежал мягкий ковёр, пахло пудрой, духами и чем-то сладковатым, напоминающим нагретую уютном ткань. Где-то за стеной слышались голоса, смех и музыка - я узнала известную композицию Луи Армстронга.

Я ещё раз взглянула на свои-не свои руки. Тонкие, белые, с аккуратными ногтями, покрытыми тёмно-красным лаком. На безымянном пальце поблёскивало кольцо с небольшим бриллиантом. Я пошевелила пальцами, и они послушно согнулись.

Из зеркала на меня смотрела Вивьен Грей.

Не похожая на неё женщина, не актриса, загримированная под знаменитость, а именно та блондинка, чью фотографию я разглядывала в гостиничном номере. С теми же высокими скулами, маленьким прямым носом, большими глазами и губами, которые даже без помады казались слишком красивыми для обыкновенного человека. “Неземная” - так

писали о ней.

Я подняла руку и прикоснулась к щеке. Отражение повторило движение.

- Замечательно, - произнесла я и замолчала, услышав собственный голос.

Он оказался ниже моего, мягче, с лёгкой хрипотцой, словно я только что проснулась после долгого сна.

Я попробовала откашляться, провела ладонью по горлу и снова посмотрела в зеркало.

- Значит, вот так.

На этот раз голос прозвучал увереннее, но легче от этого не стало.

У меня не было ни малейшего представления, что следует делать женщине, которая ещё утром собиралась закончить уборку гостиничного номера, а теперь обнаружила себя в теле голливудской актрисы. В книгах героини в подобных обстоятельствах обычно довольно быстро соображали, куда попали, осваивались, начинали пользоваться чужими привилегиями и попутно выясняли, как устроен новый мир. Мне же хотелось пропеть: “А ля-ля-ля-ля-ля, а я сошла с умааа... Какая досада.”

Я даже не могла решить, стоит ли вставать с кресла. Замереть и пусть всё само собой как-нибудь разрешится.

Я придвинулась ближе, чтобы рассмотреть календарь поближе. Двадцать четвёртое июня. Понедельник. 1929 год. Я прочитала дату несколько раз. Поморгала. Тереть глаза не

стала - во-первых, это было бесполезно, а во вторых... и первого было достаточно. Какая-то мысль настойчиво пыталась протолкнуться в хаосе прочих.

Я перевела взгляд на зеркало, снова на календарь и почувствовала, как по спине медленно пополз холод.

Дело было не только в том, что я оказалась почти на сто лет раньше собственного рождения.

Я вспомнила журнал. Старый, с пожелтевшими страницами и чёрно-белыми фотографиями.

Вся статья мне не запомнилась. Тогда мне и в голову не могло прийти, что от нескольких строчек будет зависеть моя жизнь.

Зато одну дату я помнила четко. Декабрь 1929 года.

Вивьен Грей исчезла в декабре. Я принялась считать месяцы, загибая пальцы. Июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь.

Полгода. В моём распоряжении было примерно полгода до того момента, когда эта женщина должна была бесследно исчезнуть. Только теперь на её месте находилась я.

Откинувшись на спинку кресла, я некоторое время смотрела на свои руки, пытаюсь понять, что именно означало это открытие.

Может быть, настоящая Вивьен исчезла потому, что я заняла её тело? Может быть, её исчезновение уже произошло, просто никто пока об этом не знает? О кольцах времени я не имела ни малейшего представления, не стоило и голову

ломать. Или впереди меня ждёт событие, после которого в газетах напишут, что знаменитая актриса вышла из дома и больше не вернулась? Ответов не было.

Но я совершенно точно не собиралась проверять последнюю версию на собственном опыте.

За дверью слышались шаги.

- Вивиан? Дорогая, ты здесь?

Я вздрогнула, взмахнула рукой и едва не опрокинула серебряную пудреницу. Потом схватила её и раскрыла трясущимися руками, уставившись в чужое отражение.

Дверь распахнулась. На пороге появилась женщина лет сорока пяти, невысокая, плотная, с тщательно уложенными тёмными волосами. На ней было синее платье с белым воротничком, а в руках она держала несколько листов бумаги и маленькую кожаную сумочку.

Увидев меня, женщина остановилась.

- Господи, детка, что с тобой? - Она быстро подошла к креслу и положила бумаги на стол. - Ты белая как полотно. Опять ничего не ела? Мне сказали, что ты упала. Что с лицом? Боже мой, гримёру потребуется в два раза больше времени, чтобы убрать этот синяк. Почему тебе не принесли лёд? Безобразие.

Я посмотрела на неё, пытаюсь определить, кто она такая.

Горничная? Секретарь? Родственница?

Вопрос был далеко не праздным. Женщина держалась так уверенно, словно имела полное право входить сюда без сту-

ка, распоряжаться моим временем и беспокоиться о моём питании.

- Немного кружится голова, - ответила я, решив, что это объяснение подойдёт почти для любого моего странного поведения.

- Конечно, кружится! - Она всплеснула руками, но тут же принялась поправлять выбившуюся из моей причёски прядь. - Я ведь говорила, что нельзя жить на одном кофе и виски. Посмотри на себя, одни глаза остались. Сейчас принесу тебе что-нибудь поесть.

- Не надо, пожалуйста. Я просто посижу. Меня тошнит. Женщина посмотрела на меня с таким искренним беспокойством, что мне на мгновение стало стыдно за собственную настороженность.

- Тогда хотя бы воды. И, ради всего святого, не вздумай опять курить натошак. У тебя сегодня ещё встреча с мистером Харрисом.

Она произнесла это имя с нажимом, видимо это было важно.

Я осторожно кивнула.

- Помню.

Женщина улыбнулась, погладила меня по плечу и вышла, пообещав вернуться через несколько минут.

Я проводила её взглядом. Первый доброжелатель. Причём настолько заботливый, что я на автомате уже успела сообщить ей о своём самочувствии, хотя понятия не имела, кто

она.

После истории с Мариной я хорошо усвоила одну неприятную вещь: люди могут годами улыбаться тебе, интересоваться твоими делами, выслушивать жалобы на мужа и при этом прекрасно знать то, о чём ты даже не подозреваешь.

Ирина вот тоже беспокоилась обо мне. Предлагала чай, спрашивала, не устала ли я, и смотрела сочувственно, пока я рассказывала ей о собственной семье.

А потом выяснилось, что она давно знала о предательстве Васи и Марины. Чем она была лучше них?

Не то чтобы я собиралась теперь подозревать каждого встречного в предательстве. Но доверять человеку только потому, что он ласково назвал меня деточкой или как там, было бы непростительной глупостью.

Я поднялась.

Кресло оказалось неожиданно упругим, а тело - необычно лёгким. Мне пришлось ухватиться за край столика, чтобы сохранить равновесие.

На ногах были туфли на каблуках, каких я не носила уже много лет. Сверкающие ремешки охватывали мои тонкие щиколотки.

Я сделала несколько шагов. Вивьен Грей, судя по всему, умела ходить на каблуках гораздо лучше меня. Ноги сами нашли правильное положение, спина выпрямилась, и через несколько секунд я уже стояла посреди комнаты, рассматривая своё отражение в высоком зеркале возле шкафа.

На мне было светлое шёлковое платье, отделанное мелкими бусинами. Оно красиво облегалo фигуру, не стесняя движений, и заканчивалось чуть ниже колен. Волосы лежали крупными гладкими волнами, открывая шею. В ушах поблёскивали серьги.

Я выглядела так, словно собиралась на приём, где шампанское подают в хрустальных бокалах, а гости обсуждают последние кинопремьеры. Вид портил только синяк на скуле. Но теперь я знала, что гримёр позаботится об этом.

Между тем я понятия не имела, как зовут женщину, которая только что проявила заботу обо мне.

Это следовало исправить. Я подошла к туалетному столику и принялась осматривать его содержимое. Неужели нет никакого блокнота или чего-нибудь в этом роде?

На серебряном подносе стояли духи, пудра и несколько флакончиков с притёртыми пробками. Рядом лежали щётки с длинными ручками, заколки, помада и маленькие ножницы. В выдвижном ящике нашлись носовые платки, конверты, пачка фотографий и записная книжка. Вот оно!

Я открыла книжку. Но и фотографии положила рядом. Это напоминало какой-то квест.

Страницы были исписаны размашистым небрежным почерком, с торопливыми сокращениями, зачеркнутыми словами и строчками, то взлетающими вверх, то сползавшими вниз. Имена, телефонные номера, адреса. Часть записей была сделана карандашом, часть чернилами. Я попыталась про-

читать первую запись.

И только тогда поняла, что всё это написано по-английски.

Разумеется, по-английски. Я находилась в Америке.

В школе я учила немецкий, а английский знала настолько, насколько его знает человек, привыкший пользоваться переводчиком в телефоне. Несколько десятков слов, названия месяцев, простейшие фразы.

Но женщина, которая только что заходила ко мне, разговаривала на английском.

И я прекрасно её понимала. Однако сама с собой в голове говорила по-русски, что не давало мне сойти с ума окончательно.

Я опустила обратно в кресло, листая страницы. Буквы складывались в слова, слова - в предложения. Мне не требовалось переводить их на русский, смысл возникал сам собой. Значит, вместе с телом Вивьен я получила хотя бы её знание языка.

Хотелось надеяться, что на этом подарки не закончатся.

Я перелистнула несколько страниц и нашла запись, сделанную крупнее остальных:

«Элеонора Брукс».

Под именем стоял телефонный номер, а ниже - короткая пометка о костюмах и примерке. Элеонора. Возможно, та самая женщина в синем платье. Я решила не спешить с выводами. В дверь снова постучали.

На этот раз вошёл молодой человек в светлом костюме, с гладко зачёсанными волосами и узким галстуком. Он держал под мышкой папку и выглядел очень озабоченно и деловито.

- Мисс Грей, прошу прощения. Я только на минуту.

Он остановился возле двери, явно ожидая разрешения подойти.

- Слушаю вас, - произнесла я, стараясь держаться так, как, по моему представлению, должна держаться знаменитая актриса. Даже позу приняла важную и выражение лица сделала недовольным. Для достоверности.

- Мистер Харрис просил передать, что всё остаётся в силе. Машина будет у главного входа в четыре часа. И ещё... - Молодой человек замялся, взглянув на папку. - Я разговаривал с мистером Лэнгом. Он хотел бы увидеть вас до отъезда.

- А это обязательно?

Парень удивлённо поднял брови.

- Думаю, да, мисс Грей. По крайней мере, он сказал, что вопрос безотлагательный.

- Тогда предупредите меня за пятнадцать минут. - брякнула я наобум и взмахнула рукой.

Шорт побъери, у меня получалось! Ну если не быть звездой, то капризной важной писей - однозначно.

- Конечно.

Он поспешно кивнул, но уходить не торопился.

- Вы сегодня прекрасно выглядите, мисс Грей. Надеюсь, вчерашний вечер не слишком вас утомил.

Мой синяк он никак не прокомментировал - видимо, его положение не позволяло делать мисс Грей подобные замечания.

Я улыбнулась.

- Спасибо. Всё хорошо.

Молодой человек заметно обрадовался, словно получил нечто большее, чем обычную вежливость, и вышел, осторожно прикрыв дверь.

Ещё один милый человек в моём окружении. А так же второй по счёту, сообщивший мне что-то такое, чего я совершенно не понимала.

Мистер Харрис, мистер Лэнг, машина в четыре часа, вчерашний вечер.

Я посмотрела на календарь.

До четырёх оставалось неизвестно сколько времени. Часов на стене не было, а наручных я тоже не обнаружила. Зато на стене отчётливо выделялся светлый круг, наводивший на мысль, что когда-то здесь висели часы. Интересно, почему их убрали? Вивьен Грей боялась времени? Или, как многие красавицы, не желала лишний раз вспоминать о его неумолимом течении? Впрочем, с причудами моей предшественницы мне ещё предстояло разобраться.

Я подошла к окну и осторожно отодвинула тяжёлую штору.

Снаружи простирался большой двор, окружённый невысокими зданиями. По дорожкам ходили мужчины в рубаш-

ках с закатанными рукавами, женщины в платьях и шляпках, несколько человек переносили какие-то деревянные конструкции. У стены стоял грузовик, рядом с которым двое рабочих спорили, размахивая руками.

За дальним корпусом виднелись пальмы.

Я присмотрелась и поняла, что нахожусь, вероятно, на киностудии.

Это объясняло и гримёрную, и костюм, и людей, которые входили сюда с деловым видом. Возможно, Вивьен только что закончила съёмку или готовилась к следующей сцене.

На улице было солнечно. Свет ложился на стены, на капоты машин, на широкие поля дамских шляпок. Всё выглядело удивительно настоящим.

Я ещё несколько минут надеялась увидеть что-нибудь современное: автомобиль привычной формы, пластиковую бутылку, человека с мобильным телефоном. Но за окном продолжал существовать тысяча девятьсот двадцать девятый год, совершенно не заботясь о моём желании проснуться в своём времени. Плевать на Васю, плевать на Иру с Маринкой. Это всё было хотябы объяснимо.

В дверь заглянула женщина в синем платье.

- Вивиан, малышка, я принесла тебе чай и сэндвичи. И не смей говорить, что не голодна.

Она поставила поднос на столик и внимательно посмотрела на меня.

- Ты всё ещё плохо себя чувствуешь?

- Уже лучше, - ответила я, с благодарностью глядя на еду.

- Спасибо вам.

Женщина замерла.

- За что, деточка?

- За заботу.

Она неожиданно рассмеялась.

- Господи, Вивиан, ты сегодня сама на себя не похожа!

Ещё вчера обещала выбросить меня в окно, если я заставлю тебя съесть хоть кусочек, а теперь благодаришь за сэндвич.

Я улыбнулась, хотя внутри у меня всё похолодело. Значит, настоящая Вивьен была не слишком приятной особой.

- Вчера был трудный день, - произнесла я.

- И сегодня не легче. - Женщина поправила воротничок своего платья и нахмурилась. - Скажи мне только одно: ты действительно намерена ехать к Харрису?

Я осторожно взяла чашку.

- А почему я не должна?

Она посмотрела на меня так, словно я задала совершенно нелепый вопрос.

- Потому что вчера ты сама говорила, что больше не желаешь иметь с ним никаких дел.

Я едва удержалась, чтобы не поставить чашку слишком резко.

Вот теперь становилось интересно. Может быть Вивиан что-то знала и именно Харрис впоследствии был причастен к её исчезновению?

- Я ещё не решила, - ответила я после короткой паузы.

- И правильно. - Женщина удовлетворённо кивнула. - Пусть сначала объяснит, чего он добивается. Не позволяй ему опять давить на тебя, Вив. Ты слишком много сделала для этой картины, чтобы теперь соглашаться на всё подряд.

Она говорила убеждённо, с искренним возмущением, и я почти поверила, что передо мной человек, которому действительно небезразлична судьба Вивьен.

Почти.

- Я подумаю, - пообещала я.

Женщина ещё раз погладила меня по плечу и наконец оставила одну.

Я немедленно принялась за сэндвичи. Оказалось, что я ужасно голодна. Хлеб был мягким, с тонкой хрустящей корочкой, между ломтиками лежали курица и листья салата. Чай пах непривычно, но был горячим и крепким. Я съела всё, до последней крошки, и почувствовала, как голова постепенно проясняется.

Надо было признать, что голодать в новом теле я не собиралась, даже если настоящая Вивьен считала еду личным врагом.

Покончив с завтраком, я снова открыла записную книжку.

На этот раз меня интересовали не телефонные номера, а любые сведения о самой Вивьен.

Ещё в ящике обнаружились письма. Одно было подписано неким Джорджем, другое - коротким «Твой Р.». Третье

представляло собой приглашение на благотворительный вечер. Среди бумаг нашлась квитанция из ювелирного магазина, несколько счетов и карточка с адресом какого-то особняка. Деньги, судя по всему, у Вивьен имелись. Это было хорошо.

Однако наличие денег ещё не означало, что я могу ими распоряжаться.

Где Вивьен жила? Был ли у неё дом? Счёт в банке? Кто занимался её контрактами? Кто получал её гонорары?

И главное - кто из окружающих её людей имел достаточно власти, чтобы причинить ей неприятности?

Я вспомнила слова женщины в синем платье.

«Не позволяй ему опять давить на тебя».

Следовательно, мистер Харрис уже пытался заставить Вивьен сделать что-то против её воли. Не обязательно опасное. Может быть, речь шла о контракте, роли, деньгах или каком-нибудь пустяке, из-за которого знаменитые актрисы устраивали скандалы. Но проверять это наугад я не собиралась.

Я нашла чистый лист бумаги и карандаш. В верхней части написала: «Что я знаю».

Ниже вывела дату - 24 июня 1929 года.

Потом записала: «Вивьен Грей исчезнет в декабре 1929 года». Некоторое время смотрела на эту строчку, после чего зачеркнула слово «исчезнет» и написала рядом: «Исчезла в известной мне истории».

Так было точнее.

Я не знала, неизбежно ли это событие. Возможно, само моё появление уже изменило будущее. А может быть, всё происходящее было частью той самой цепочки обстоятельств, которая привела к исчезновению актрисы.

Мне не хотелось превращаться в героиню собственного расследования, но выбора, похоже, не оставалось.

Следующей строчкой я написала: «Кому я могу доверять?» - и задумалась. Страница осталась пустой. Ни одного подходящего кандидата. Зато со списком тех, кому доверять не стоило, дело пошло значительно веселее. Первой туда отправилась женщина в синем платье с белым воротничком, следом - прилизанный молодой человек. Оба были чрезвычайно любезны, предупредительны и явно знали обо мне гораздо больше, чем я сама. Чем не повод для подозрений?

Я не собиралась отталкивать людей, грубить им или устраивать проверки. Напротив, мне требовалось сохранить привычный круг общения Вивьен, потому что только через этих людей я могла узнать, как устроена её жизнь.

Ведь чем ближе человек находится к тебе, тем больше возможностей у него причинить вред.

Я закрыла записную книжку и спрятала её под подкладку сумочки, решив отныне не выпускать сумочку из рук. Пока я понятия не имела, кому здесь можно доверять, а значит, мои записи лучше было держать подальше от чужих глаз.

Глава 5

Я как раз застёгивала сумочку, когда дверь снова открылась.

На пороге стоял мужчина.

Лет сорока, высокий, широкоплечий, в дорогом сером костюме. Тёмные волосы были аккуратно зачёсаны назад. Он был гладко выбрит, выглядел холёным франтом. Небрежно держал шляпу в руке и смотрел на меня так, как будто я смешная безделушка.

- Вив, наконец-то! - Мужчина вошёл, закрыл за собой дверь и протянул ко мне обе руки. - Я уже начал думать, что ты решила меня избегать. Твоя записка подарила мне надежду на то, что ты не сошла с ума и решила быть благоразумной.

Он попытался обнять меня. Я отступила.

Совсем немного, ровно настолько, чтобы между нами сохранилось расстояние. Мужчина заметил это и остановился.

- Всё ещё сердишься?

- У меня болит голова, - ответила я.

- Бедная овечка.

Он произнёс это с такой нежностью, что на секунду мне показалось, будто передо мной муж или любовник Вивьен. Но мужчина не стал больше приближаться, а вместо этого положил шляпу на стол и оглядел меня оценивающим взглядом.

дом.

- Впрочем, выглядишь ты великолепно. Кстати, прости за синяк. Именно поэтому я и говорю, что нам нельзя ссориться.

Я молчала.

- Я всё устроил, - продолжил он. - Харрис согласен встретиться сегодня. Думаю, нам удастся убедить его, что ты готова к разумному разговору.

Вот как.

Значит, мистер Харрис был не единственным человеком, который хотел со мной встретиться. А этот человек точно не Харрис. Но четко отправляется в мой список кому нельзя доверять. А кому можно?

- Я неразумна? - спросила я.

Мужчина рассмеялся.

- Только когда начинаешь упрямиться, дорогая. Ты ведь знаешь, как я тебя люблю.

Он произнёс последнее слово легко, почти между прочим. Я внимательно посмотрела на него.

В его голосе не было ни смущения, ни той особенной интонации, с которой мужчина признаётся женщине в любви. Скорее, он говорил о своём расположении, как говорят о любимой лошади или дорогой картине.

- И всё же мне хотелось бы сначала понять, чего именно от меня ждут, - сказала я. "Вот это выдала ты, Дашка!"

Я даже вспыхнула - щёки загорелись.

Мужчина перестал улыбаться. Щека его дёрнулась, как от тика.

- Вив-пончик, мы обсуждали это вчера.

- Сегодня я хочу обсудить ещё раз.

Он медленно поднял шляпу со стола.

- Ты начинаешь меня беспокоить.

- Почему?

- Потому что вчера ты была категорически против, а сегодня делаешь вид, будто ничего не помнишь. - Он подошёл ближе, понизив голос. - Послушай меня внимательно. Харрис может быть очень полезен. Но его терпение не бесконечно.

- Я это учту.

- И ещё одно. - Мужчина задержал на мне взгляд. - Не советую рассказывать об этом кому попало. Особенно газетчикам. Ты ведь понимаешь, чем всё может закончиться?

Я не понимала. Но именно в эту минуту мне стало по-настоящему страшно. Не от его слов, а от того, как спокойно они были произнесены.

Он словно напоминал мне о чём-то очевидном, давно известном нам обоим.

- Разумеется, - ответила я, вскинув голову. Я окончательно вошла в роль Вивьен Грей.

Мужчина ещё несколько секунд смотрел на меня, затем улыбнулся, взял мою руку и коснулся губами кончиков пальцев.

- Вот и умница. В четыре часа я заеду за тобой.

Когда он вышел, я некоторое время стояла неподвижно.

Третий персонаж. Этот, правда, заботился обо мне несколько своеобразно. Включая реплику про синяк - что это значило?

Я не знала ни его имени, ни того, кем он приходится Вивьен, но уже получила предупреждение, что не стоит разговаривать с журналистами, и обещание, что меня куда-то отвезут.

Я подошла к зеркалу. Вивьен Грей смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Красивое лицо, безупречная кожа, изящная причёска. И отчаянные, перепуганные глаза. Мой ли это был страх или самой Вивьен?..

Миллионы женщин, наверное, отдали бы многое, чтобы хотя бы на один день оказаться на её месте. Я же с удовольствием поменялась бы обратно.

Не потому, что мне так уж нравилась прежняя жизнь. С ней я успела распрощаться ещё до того, как попала сюда. Но там у меня были собственное имя, документы, опыт и хотя бы приблизительное понимание того, кому можно доверять.

Здесь у меня было красивое лицо, которое принадлежало другой женщине, и целая толпа людей, знавших обо мне гораздо больше, чем я сама.

Я подняла руку, коснулась губ и вдруг заметила маленькую царапину возле запястья. Совсем свежую. Тонкая красная полоска уходила под браслет, почти незаметная на белой

коже.

Я осторожно отодвинула украшение. На внутренней стороне руки обнаружились ещё три небольших синяка. От пальцев, что ли? Они располагались рядом, словно кто-то крепко схватил Вивьен за запястье. Я долго рассматривала эти следы.

Возможно, они появились на съёмках. Актрисы падали, дрались, выполняли трюки. Возможно, Вивьен просто ударилась обо что-нибудь.

Но после разговора с незнакомцем мне не хотелось считать это случайностью. Я опустила браслет обратно.

Теперь следовало выяснить, кто этот мужчина.

И сделать это так, чтобы никто не догадался, насколько мало я знаю. Я подошла к двери и выглянула в коридор.

Он оказался длинным, с несколькими одинаковыми дверями. На стенах висели фотографии актёров, афиши и таблички с номерами помещений. В дальнем конце разговаривали две женщины, одна держала объёмную коробку, из которой свешивались боа самых разных расцветок.

Увидев меня, они сразу замолчали.

- Добрый день, мисс Грей, - произнесла одна. Вторая боязливо поклонилась.

- Добрый день, - ответила я, улыбнувшись.

Обе просияли выучено, автоматически. Я закрыла дверь.

Похоже, знаменитость Вивьен была вполне настоящей. Но радоваться мне было нечему.

Через несколько минут в коридоре послышался знакомый голос.

- Вив! Ты ещё здесь?

Женщина в синем платье вошла, не дожидаясь ответа, и сразу заметила моё выражение лица.

- Что случилось?

- Ко мне заходил кое-кто, - осторожно произнесла я. - Мы немного поговорили.

- Роберт? Я встретила его, когда он выходил. Зачем тебе это, малышка...

Я постаралась не выдать облегчения. Роберт. Вот и первое имя.

- Да, он.

Женщина закатила глаза.

- Разумеется. Если ты примешь его предложение - так и знай, меня ты больше не увидишь! Чего он хотел?

Я пожала плечами.

- Всё то же самое.

- Этот человек когда-нибудь доведёт меня до сердечного приступа! - Она сердито поправила лежавшие на столе бумаги. - Вивиан, я понимаю, что вы почти помолвлены, но это не даёт ему права распоряжаться тобой как собственной вещью. Он ведь даже не звезда вроде Фэрбенкса или Джона Гилберта. А ведь оба присылали тебе приглашения! Я уже молчу о президенте компании!а тут какая-то сямка Роберт!

Значит, Роберт был агентом, управляющим или кем-то в

этом роде.

- Он считает, что знает, как будет лучше, - заметила я.

- Конечно, считает! - Женщина посмотрела на меня с искренним возмущением. - Особенно когда речь идёт о деньгах. Но ты ведь не обязана соглашаться на всё, что предлагает Харрис, только потому, что Роберт боится потерять выгодную сделку.

Я мысленно отметила ещё одну подробность. Деньги и сделка.

- Это же только разговоры пока, - сказала я.

Женщина заметно успокоилась.

- Вот и хорошо. Сначала прочитай договор как следует. И не позволяй им торопить тебя.

Я посмотрела на неё внимательнее.

- А ты сама что думаешь?

Она удивилась.

- О чём?

- Обо всей этой истории.

Женщина тяжело вздохнула, села на край дивана и сложила руки на коленях.

- Я думаю, что тебе пора отдохнуть. Ты слишком много работаешь, слишком мало спишь и позволяешь всем этим мужчинам превращать свою жизнь в бесконечные переговоры. А ещё я думаю, что тебе стоило бы наконец поехать домой и хотя бы один вечер провести без гостей.

Я едва не улыбнулась. Совет был настолько разумным, что

хотелось последовать ему немедленно.

Оставалась одна небольшая проблема. Я не знала, где находится мой дом.

- Возможно, так и сделаю, - произнесла я.

- Вот и прекрасно. - Женщина поднялась. - Сейчас позову шофёра. Он отвезёт тебя, а Роберту я сама объясню, что сегодня никаких встреч не будет.

Я насторожилась.

С одной стороны, предложение было заманчивым. Мне требовалось попасть домой, осмотреть вещи Вивьен, разобраться с документами и хотя бы немного побыть одной.

С другой - эта женщина слишком легко взялась решать за меня.

- Нет, - сказала я. - Роберту я сообщу сама.

Она остановилась и как будто скривилась на секунду.

- Как пожелаешь, дорогая.

В её голосе не прозвучало обиды, но я заметила, что она напряглась.

- А шофёра позови, пожалуйста, - добавила я. - Я действительно хочу домой.

- Сейчас всё устрою.

Она направилась к двери, но я окликнула её.

- Подожди.

Женщина обернулась.

Я улыбнулась. Пан или пропал.

- Спасибо, Элеонора.

Женщина махнула рукой.

- Ну что ты, деточка. Для того я тебе и нужна.

Когда дверь закрылась, я позволила себе выдохнуть.

Элеонора Брукс. Первое имя, которое удалось выяснить без прямых расспросов. Теперь я знала, что она занимается костюмами или, по крайней мере, имеет к ним отношение, хорошо знакома с Вивьен, заботится о ней и не слишком любит Роберта.

Но насколько можно верить её словам, оставалось неизвестным. Я снова посмотрела на календарь. Двадцать четвёртое июня. До декабря оставалось полгода.

Времени было достаточно, чтобы разобраться в чужой жизни, если действовать осторожно.

И совершенно недостаточно, если допустить хотя бы одну серьёзную ошибку.

Я принялась собирать вещи, стараясь не оставлять ничего, что могло принадлежать Вивьен. Сумочка, записная книжка, несколько писем. Всё это могло пригодиться.

На дне одного из ящиков обнаружился небольшой конверт без марки и адреса. Он был сложен пополам и засунут под стопку носовых платков, словно хозяйка спрятала его второпях.

Я достала конверт. Внутри лежала записка, написанная от руки.

Всего несколько строк.

«Вивиан, прошу тебя, не делай этого. Ты не представля-

ешь, с кем связалась. Если Роберт узнает, что ты собираешься рассказать правду, он не остановится ни перед чем».

Подписи не было. Я перечитала записку. Потом ещё раз. Теперь слова Роберта о газетчиках зазвучали совсем иначе. Вивьен собиралась рассказать какую-то правду. Роберт об этом знал или подозревал. И кто-то счёл нужным предупредить её, что последствия могут оказаться опасными.

Я медленно опустилась в кресло.

До сих пор у меня оставалась надежда, что исчезновение актрисы было связано с чем-нибудь сравнительно безобидным. Например, она устала от славы, сбежала с любовником, уехала в Европу и начала новую жизнь под другим именем.

В конце концов, подобные истории иногда случались. Но записка делала эту версию менее убедительной. Особенно в сочетании с синяками на запястье. Я снова вспомнила журнальную статью.

Там говорилось, что Вивьен Грей исчезла при загадочных обстоятельствах. Её искали, о ней писали газеты, выдвигали самые невероятные предположения. Одни считали, что актрису похитили, другие подозревали убийство, третьи уверяли, будто она сама инсценировала исчезновение. И никто так и не выяснил, что произошло на самом деле.

Я помнила фотографию, напечатанную рядом со статьёй. Вивьен улыбалась, чуть запрокинув голову, а в глазах у неё светилось то беззаботное счастье, которое бывает только на рекламных снимках.

Теперь я знала, что за этой улыбкой могла скрываться совсем другая жизнь. За дверью раздался стук.

- Мисс Грей? Машина готова.

Я поднялась, поправила платье и посмотрела на себя в зеркало.

Отражение всё ещё было чужим, но я уже привыкала. Даже промелькнуло в голове что-то вроде “Бедняжка Вивьен”

Нужно было узнать, где живёт Вивьен, кто распоряжается её деньгами, какие обязательства она на себя взяла и что собиралась рассказать журналистам.

Нужно было выяснить, кто написал предупреждение и почему спрятал его именно здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.